

УДК 947(571)

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКО-ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук,
Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (СИУ РАНХ и ГС), г. Новосибирск
tatned@mail.ru

Статья посвящена характеристике современного этапа сибирско-польского академического взаимодействия в исторической науке. Новые методологические модели в контексте ментальной истории позволяют расширить границы гуманитарного знания. В работе принят анализ советского научного наследия, выявлены тенденции к переходу на новые методологические позиции, определены актуальные научные направления.

Ключевые слова: история ментальностей, интеллектуальная история, трансформация мировоззренческих стереотипов, сибирская полонистика, польская сибирика.

Обращение современной российской исторической науки к «польской проблематике» в контексте интеллектуальной истории сегодня имеет сразу несколько объяснительных мотивов. Рубеж XX–XXI столетий обозначил новые приоритеты в гуманитарном знании; расширение границ Европы оказалось весьма неоднозначным событием; активизация академической мобильности способствует установлению научных контактов. Естественный интерес к историческому прошлому и современным событиям в соседних славянских государствах обусловил стремление детерминировать конкретно-исторические события, побудил исследователей обратиться к анализу ценностных установок представителей двух славянских народов. Таким образом, методологический поворот, связанный с применением совокупности методов и приемов интеллектуальной истории, предопределил обращение к иным, не изученным ранее сферам исторического знания. Персональная история и мировоззренческие коннотации, интеллектуальная история и социокультурные дискурсы определяют на современном этапе содержание русско-польских и польско-российских академических контактов.

Для академического сообщества сибирских историков «польская тематика» не является новшеством. Скорее, это актуальный предмет исследования. Столетие январского восстания 1863 г. инициировало в 1960–1970-е гг. серию крупных академических мероприятий, результатом которых стали сборники научных статей, посвященные не только самому факту восстания, но и более широкому спектру русско-польских проблем. Обусловленные контекстом исторической эпохи, представленные в научных сборниках Новосибирска и Иркутска [1–4] результаты исследований

сибирских историков были посвящены революционному движению. В поле зрения авторов научных статей преимущественно входили следующие проблемы: статистика численности ссыльных и география мест их размещения, хронология событий, коннотация архивных материалов. Благодаря содержанию этого исследовательского пласта мы располагаем достаточно репрезентативной событийной основой истории ссылки в Сибирь и истории экономических миграций, имеем возможность оценить участие поляков в национально-освободительном движении (1863 г.), в революционных событиях (1917 г.) и в Гражданской войне (1918–1922/1923 гг.). Примечательно, что уже в ряду перечисленных сборников научных трудов Института истории СО РАН прослеживается динамика перехода от коннотации нарратива к изучению мотивов поведения через анализ исторических источников [4, с. 130–137, 162–170].

Поворотным моментом, как нам представляется, нужно считать 1997 г. На страницах «Славянского альманаха» В.К. Волковым и Л.Е. Горизонтовым впервые была обозначена проблема интерпретации соответствия исторических явлений и процессов интересам своего народа, часто в угоду политическим событиям [5, с. 5–11]. Площадкой для открытой дискуссии и генератором новых идей выступил Институт славяноведения и балканистики РАН, где в том же году была защищена диссертация Б.С. Шостаковича «Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.)»¹, а в 1999 г. – диссертация Л.Е. Горизонто-

¹ Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.): дис. (в форме науч. докл.) ... д-ра ист. наук. М., 1997.

ва «Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 – начало XX в.: ключевые проблемы»². Окончательная постановка вопроса амбивалентности исторических представлений в славянском мире обоснована в монографии Л.Е. Горизонтова с «говорящим» названием: «Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.)» [6].

Казавшиеся смелыми и новаторскими подходы спустя десятилетие нашли свою реализацию в исследованиях на широком материале польско-сибирских и сибирско-польских исторических процессов XIX – начала XX в. Сегодня роль методологических ориентиров выполняют магистральные направления ментальной истории. Примечательно, что вопросами «сибирской Полонии» на протяжении последних пятнадцати лет активно занимается, наряду с Институтом славяноведения и Институтом культурологии РАН, Центр восточных исследований во Вроцлавском университете, а также Институт истории Академии наук Польши.

На современном этапе активно разрабатывается тема имагологии. Образ Сибири как конструкт обладает не только эмоциональной притягательностью для польских исследователей, но и неисчерпаемым источниковедческим потенциалом для сибирских историков. Мировоззренческие штудии в контексте национальных дискурсов нашли свое воплощение в совместных академических мероприятиях Института культурологии РАН, Института истории СО РАН, Томского государственного педагогического университета, Омского аграрного университета, Иркутского государственного университета, с одной стороны, и университетов Варшавы и Вроцлава, Кракова и Торуня – с другой.

Важной особенностью нового этапа академических контактов явился полинациональный состав участников. Начиная с конференции 1997 г. в Казани [7], польские участники выступали с докладами на российских форумах, а русские – в Польше. Уже через два года в работе научно-практической конференции в Томске принимали участие корифеи польской исторической науки, основатели двух научных школ из Польши – Антони Кучиньский (Вроцлав) и Викторья Сливовска (Варшава).

Движение от темы повстанчества к проблемам этнической идентичности и мемориализации культурного ядра происходило планомерно. Основное содержание докладов на Международной научной конференции в Томске было посвящено вкладу поляков в преобразование социокультурного пространства Сибири, в связи с чем показательными являются темы докладов Г.В. Скворцова «Участие поляков-гомичей в формировании архитектурного образа Томска» [8, с. 63–67] и Е.А. Дегальцевой «Культурная миссия ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX в.» [8, с. 72–

74]. Элементы рефлексии содержались в докладах В.М. Крюкова «Польша и поляки в восприятии сибирского “семидесятника”» [8, с. 146–148] и М. Мачуги «Католическая церковь в Сибири и мировоззрение поляков» [8, с. 95–97].

Конференция 2000 г. в Иркутске продемонстрировала новые подходы к пониманию привычных смысловых конструктов. В ходе Иркутского форума впервые были обозначены проблемы исторических представлений: «Время как территория удержания российско-польского диалога» [9, с. 157–159] и «Представление Сибири в польской картографии последнего пятидесятилетия» [9, с. 103–106].

Логическим продолжением диалога, начатого в Томске, стала очередная вроцлавская конференция 2002 г. [10]. В русле реконструкции этнической идентичности были подняты вопросы этнокультурного взаимодействия с коренными народами Сибири: «Polscy zesłańcy wobec ludów autochtonicznych Zabajkala» [10, s. 9–18] – доклад Яна Трынковского; подвергнут анализу процесс трансформации этнического самосознания беженцев Первой мировой войны – доклад Мариуша Корженевского «Polskie organizacje ratownicze w Rosji a świadomość narodowa uchodźcy z Krylestwa Polskiego w latach 1915-1918» [10, s. 19–31]. Ломке бесспорного когда-то стереотипа: «Поляк – значит, католик», – было посвящено размышление Ивоны Кабжиньской «Czy zmierzch stereotypu Polak – katolik?» [10, s. 191–204]. Описательная история окончательно уступила приоритетные позиции истории ментальной.

Следующее пятилетие было отмечено увеличением количества научных событий, ростом академической мобильности, но неким затуханием интереса к теоретико-мировоззренческой тематике. Формулировки названий научных мероприятий четко очерчивали границы исследовательских полей: «Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.» (Красноярск, 2006) [11], «Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej» (Вроцлав, 2007) [12], «Польские исследователи Сибири» (Иркутск, 2008 г.) [13]. В их рамках был накоплен конкретно-исторический материал, составивший базис для изучения специалистами по истории персоналий. В.А. Скубневским было предпринято широкое исследование темы «Поляки на Алтае (XIX начало XX века)» [13, с. 69–74].

В 2009 г. вновь произошло оживление интереса к теоретическим проблемам ментальной истории. Российский институт культурологии совместно с Постоянным представительством Польской академии наук в Москве провели Международную научную конференцию «Россия и Польша: долг памяти и право забвения» [14]. В рамках научного форума были подняты проблемы культурной памяти в национальных и глобальных контекстах. Феномен экспансии памяти на традиционную территорию исторического знания был подвергнут критическому анализу в исследовании К. Заморского «Историчность, история и память: о необходимости восприятия истории вне

² Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 – начало XX в.: ключевые проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

памяти» [14, с. 26]. В сообщении М. Бентковского «Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения» [14, с. 8–9] прозвучало предложение рассмотреть причины разногласий и непонимания с точки зрения социального конструирования реальности посредством нарратива. Как утверждает М. Бентковский, «социально сконструированные нарративы создают идентичность» [14, с. 8–9].

Практическим воплощением решения обозначенных теоретических проблем видятся научные события последующего хронологического ряда: конференции в Омске в 2009 и 2012 гг. [15; 16]. В «Истории польского переселения и ссылки в семейных преданиях: проблемы и перспективы изучения» С.Л. Мокринская постаралась объединить теоретический и практический аспекты проблемы мемориализации национальной памяти [15, с. 147–150]. Красноречивой иллюстрацией трансформации мировоззренческих стереотипов прозвучал доклад М.Л. Бережновой и А.А. Крих «Гриневицы: польское кладбище “русской” деревни» [15, с. 103–106]. Перекрестный анализ сибирско-польских и польско-сибирских стереотипов оказался плодотворным, благодаря исследованиям Е.Н. Туманик «Хозяйство забайкальских казаков середины XIX века в оценках Г.С. Бильдзюкевича» [16, с. 421–424], С.А. Мулиной «Сельская администрация глазами политических ссыльных» [16, с. 363–367], В. Цабан, Л. Михальской-Браха «Сибирь в воспоминаниях крестьянина Игнация Дрыгаса, сосланного после восстания 1863 года» [16, с. 356–362], М. Волоса «Против стереотипов. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич: польский и российский исследователь Сибири» [16, с. 411–415].

Годовщина восстания 1863 г. в Царстве Польском (150 лет в 2013 г.) вновь выступила побудительной причиной обращения к «польской тематике». Как и пятьдесят лет назад, научная конференция в Иркутске в 2008 г. [17] открыла череду научных мероприятий. Половина столетия – достаточно серьезный срок для осмысления произошедших в исторической науке методологических «переворотов». Во вступительном слове «Вместо предисловия. История ссылки польских январских повстанцев в восточные регионы России: ракурсы ее современного изучения» [17, с. 5–10] ответственный редактор сборника материалов конференции Б.С. Шостакович отметил: «Ныне становится совершенно очевидной необходимость нового осмысления темы и следования в ее дальнейшей исследовательской разработке концептуальному комплексному подходу на современном научном уровне» [17, с. 5]. Наряду с классическими темами хронологии событий, статистики и состава участников январских событий, в новых методологических традициях прозвучали доклады: «Мифологема сибирской ссылки поляков в общественном сознании Польши и России» Д.В. Карнаухова [17, с. 14–23], «Польские ссыльные в воспоминаниях жителей Тункинской долины» З. Шмыта [12, с. 176–185], «Художественный

язык сибирских картин Александра Сохачевского. Эволюция восприятия заложенного в них содержания» А. Милевской и Р. Млыника [12, с. 47–67].

Недавнее научное событие – Международная конференция в Новосибирске³ «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» – уже в своем названии содержало интенции к образам и категориям интеллектуальной истории. Пленарные доклады В. Ольшевского «Сообщения Мечислава Лепецкого из Сибири как источник культурной антропологии» и К. Карольчика «Сибирь в воспоминаниях ссыльных» (Университет Н. Коперника, Торунь) и Н.П. Матхановой (Институт истории СО РАН, Новосибирск) «Поляки на государственной службе в Сибири: проблемы интеграции до и после Январского восстания» осветили многоаспектность проблематики, акцентировав внимание на взаимодействии внутренних убеждений человека и окружающего его социума. Соотнесение образов реального и идеального получило освещение в докладах «Польский устав» и реалии окружающего мира» Н.С. Гурьяновой (Институт истории СО РАН, Новосибирск), «Январское восстание и менталитет польского народа в прошлом и настоящем» П. Глушковского (Центр польско-русского диалога и согласия, Варшава), «Взаимоотношения России и Польши в XX веке на страницах современных российских и польских школьных учебников истории» Е.Ф. Бехтеновой (Новосибирский государственный педагогический университет). В докладе Л.Е. Горизонтова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) «Познавательный потенциал изучения российско-польской истории XIX–XX вв.» прозвучали пожелания концептуализации новых исследовательских форматов, расширения исследовательских полей.

Новации в методологии рожают новые предметы исследований, исследовательские парадигмы. И вектор развития истории ментальностей в русской полонистике и польской сибирике направлен в сторону поиска взаимопонимания, общих аксиологических установок и механизмов их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–XX в.): сб. стат. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975.
2. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. стат. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978.
3. Ссыльные революционеры в Сибири (XIX век – февраль 1917 года): сб. стат. Иркутск, 1985. Вып. 9.
4. Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в.: историография и источники: сб. стат. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987.
5. Волков В.К., Горизонтов Л.Е. Исторические судьбы восточного славянства и «национальность» науки // Славянский альманах 1997. М.: Индик, 1998. С. 5–11.

³ См.: Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: программа междунар. науч. конф. Новосибирск, 2013.

6. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индикс, 1999.
7. Польшская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры: материалы Междунар. рос.-пол. науч. конф. Казань, 1998.
8. Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 1999.
9. Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов Междунар. науч. конф. [Шостакович и др.] Иркутск, 2001.
10. *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej (Wrocław-Krzyżdźlina Mała, 10-12 października 2002 r.).* Wrocław, 2004.
11. Польшская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.: сб. материалов межрегион. тематич. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006–2007 гг. Красноярск, 2007.
12. *Polacy w nauce i kulturze Tomsku oraz Syberii Zachodniej. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej.* Wrocław, 2008.
13. Польшские исследователи Сибири: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2011.
14. Россия и Польша: долг памяти и право забвения: Междунар. науч. конф.: тез. докл. М., 2009.
15. Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2012.
16. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. В 3 ч. Омск, 2012. Ч. I.
17. Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2008.

*Статья поступила
в редакцию 01.04.2013*